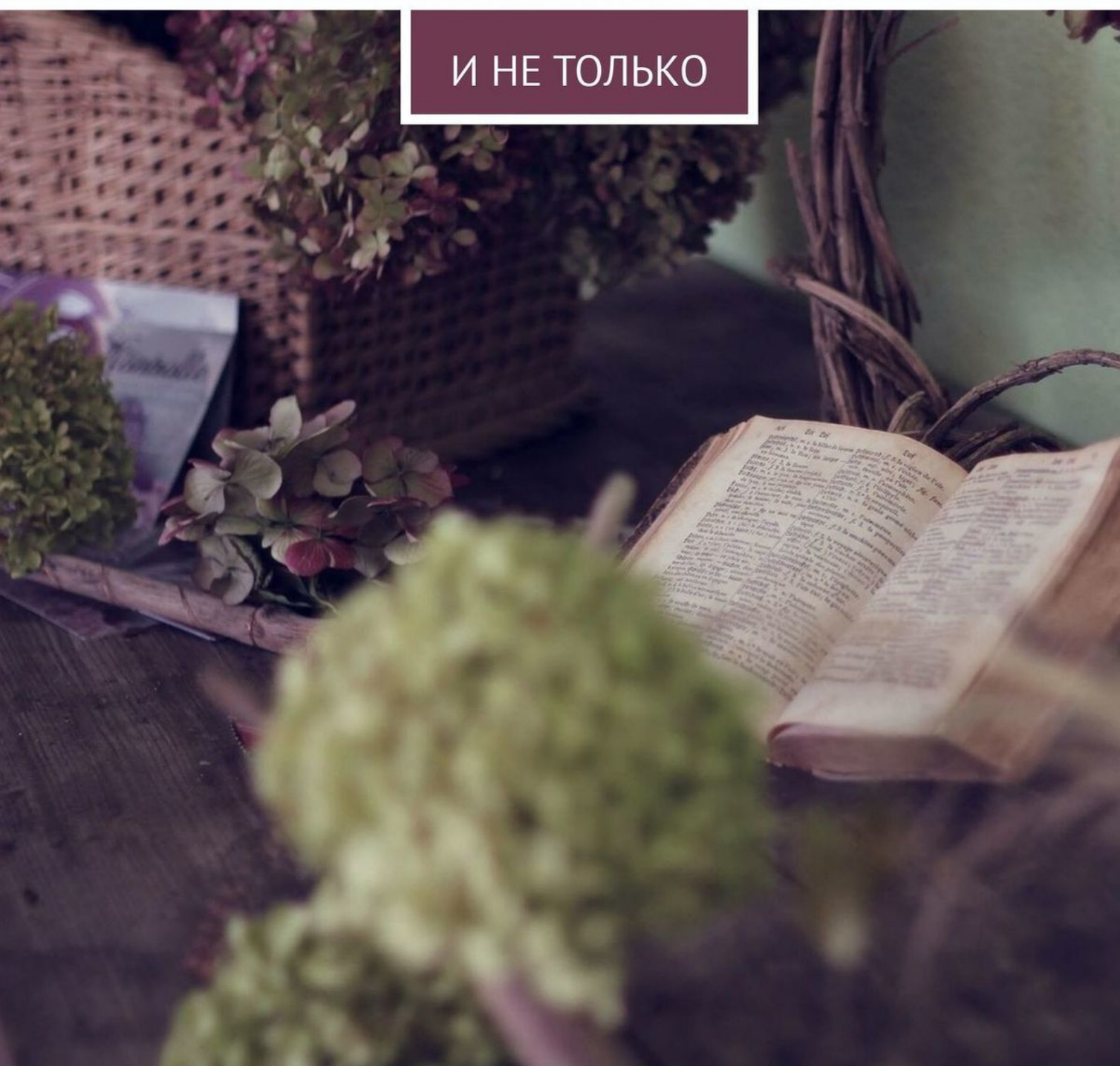

ХЕЛЕНА СОБОЛЕВСКАЯ

О ведьмах

И НЕ ТОЛЬКО

Хелена Соболевская

О ведьмах. И не только

«Издательские решения»

Соболевская Х.

О ведьмах. И не только / Х. Соболевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938417-1

Целый год собирались истории, стихи и песни, целый год сплетались слова и мысли, чтобы стать этой книгой. Здесь вы встретите ведьм, оракулов и волшебников, эльфов и богов и прикоснетесь к той магии, что витает вокруг нас.

ISBN 978-5-44-938417-1

© Соболевская Х.
© Издательские решения

Содержание

Заветы	6
Собственно, ведьмы	9
Алайя	9
Эйне	10
Кири	11
Элис	16
Шарлотта	17
Кариад	18
Кора	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

О ведьмах И не только

Хелена Соболевская

© Хелена Соболевская, 2019

ISBN 978-5-4493-8417-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Заветы

Одни говорят с богами, возжигая костры и дымя травами из священных рощ,
Другие – с помощью древних книг,
Третьи идут к пророкам и сивиллам,
Четвёртые – в медитациях...
Ведьмы же заваривают чай, раскладывают карты и ждут. Пока ни одно божество не усто-
яло

Мы – дух магии.
Мы – те, кто несёт её в крови, плоти, мысли и каждом вдохе.
Мы были, мы есть, мы будем всегда. Мы – ведьмы, мы – дочери свободы, мы – вольный
ветер и быстрые реки, мы – листва и трава, лунный свет и костры.
Пламенем горит наша сила, ярким огнём сияет мудрость.

Мы разные, ибо у магии миллионы лиц, и каждая из нас – есть магия.
У магии много глаз, у магии много начал, и каждая история отличается от прочих.

Мы бережём, мы храним, мы напутствуем и исцеляем. Мы знаем, мы видим – ибо такова
наша задача. Как не может не течь река, так и мы не можем перестать быть собой. Мы – те,
кто всегда на страже.

Путь ведьмы непрост; это путь вечного познания, вечного ученичества. Ведьма учится,
открывая силы в себе, понемногу уходя глубже и глубже туда, куда мало кто решится заглянуть.
В самых тёмных закоулках души, в лабиринтах сердца, живёт память.

Память поколений, память крови, память духа, память Матери и зов Творца – все это
дремлет в любом из нас, но не все осмеливаются признать это. Ведьма – не карга, корпящая
над котлом, она – дочь своей матери, она – женщина, знающая о величии своей сути, она – та,
кто неразрывно связан с Матерью, и чтит эту связь, каждый день и каждый миг вознося хвалу
той, чей зов вернул к жизни её силу.

Ведьма – это та, кто осознал себя и принял свою силу. Та, кто узнал себя в свете могуще-
ства Матери. Ведьма – это сама мощь, ведьмовство – это не игры с зельями и картами, само-
цветами и травами, это путь познания, путь погружения в себя, в свой разум и в своё Сердце.

Память жива.
В Сердце ведьм.
В душе.
Ведьма – и есть память...

Ведьм на свете много, и все разные – одни черпают знания из книг, другие долго учатся
у старых колдуний, третьи рождаются с даром, который только и ждёт удобного момента, чтобы
вылезти и перевернуть все с ног на голову. И тогда начинается веселье: с треском вылетают

лампочки, мигают жёлтым глазом фонари, огоньки свечей принимаются танцевать чечетку, а в доме поселяются фэйри. Окна и двери живут своей жизнью, погода меняется, стоит ведьме рассердиться, меняется круг знакомых...

Меняется и сама ведьма – либо становится спокойнее, либо непредсказуемость из неё так и прет. Пять минут назад она была чуть ли не сурова, а поглядите на неё теперь – вот-вот пустится в пляс. Захочет – за считанные часы переделает все дела, а как надоест, уснёт прямо посреди выглаженного белья.

Ночь и день теряют свои границы, и сна нужно то больше, то меньше – а то и не нужно вовсе. Ведьма начинает замечать, что ночью она эффективнее – значит, она ночная, лунная, звёздная ведьма. Если днём энергии больше, а к вечеру резко меньше – она из зелёных, дневных, огненных ведьм.

Есть ведьмы сумеречные – им комфортнее всего в часы между ночью и вечером, и чаще всего эти дамы – большие любительницы общения с малым народцем, танцев в лесных рощах и поздних чаепитий. Такие ведьмы умеют все делать быстро, и никогда не откажутся от путешествий, пряников и подарков. Собственно, а кто откажется?...

Одно скажу – точно НЕ ведьмы...

Все, что делает Ведьма – это магия. Будь то ритуал, приготовление пищи или рукоделие. Все, что делает Ведьма, приобретает тайный смысл, и не всегда его можно понять. В глазах Ведьмы нет разницы между работой с таро и плетением кружева, между воззванием к богам и вышивкой, ибо все, что делает Ведьма – это разговор с высшими силами, ибо все, что делает Ведьма – это молитва.

Карты ли ложатся в узор, или петли разноцветных нитей – не важно. Все это – медитация, все это – разговор, беседа, таинство. В руках Ведьмы нити судеб, в руках Ведьмы – нити сказок, в руках Ведьмы – ответы на вопросы, и ей только и надо, что распутать их. Ведьма знает, что делать, знает, как делать. Она делает то, что следует – не больше, не меньше. Ведьма – сосуд, посредник и страж. Ведьма – сила жизни.

Дочь ли она Отца или жрица Матери, Ведьма – дитя природы, дитя стихий, дух свободы. Ведьма – это та, кто смотрит, та, кто видит, та, кто слышит и та, кто ЗНАЕТ.

Дождь и шелест листьев расскажут ей больше, чем другим,
Снег поведает ей миллионы историй,
Ветер принесет тысячи сказок...

Ведьма запишет их в Книгу Тайн,
Украсит листьями и цветами на алтаре,
Передаст богам,
Спрядет из них нити
И сотворит новую жизнь...

Всегда.

Самайн... Ведьмы верят, что нет ночи сильнее. Завеса истончается, говорят они, и духи земли выходят на поверхность – говорить с людьми.

Самайн... Нет другой такой ночи – в эту ночь мертвые слышат живых, живые – мертвых. Танец Жизни со Смертью в эту ночь длится дольше, чем в другие ночи, и всякий, оказавшийся в хороводе, имеет право задать ушедшим один вопрос. Они ответят – ибо связаны клятвой.

Самайн... Владыка Аравн проезжает на белой своей лошади в окружении своры белых гончих с красными ушами по лесам, пролетает Херне Охотник по туманному миру – собираются души.

Самайн... Горят костры и свечи, пляшут огни в ухмылках тыкв, эльфы выходят из Страны Вечности, чтобы привести господину невесту.

Самайн... Тьма принимает облик прекрасной женщины в тёмных одеждах. Голова её увенчана короной лунного серебра, в глазах её – вечность. Она – мать, дева и старуха, она – невеста, ожидающая жениха, она – вдова, оплакивающая мужа. Она – это все женщины мира и никто.

Самайн... Свет становится мужчиной, облачённым в одежды цвета рассвета, золотом горит венец в его волосах, и очи его, будто летнее небо. Он – это все мужчины мира... И никто. Он – жених, что ждёт нареченную, он отец, сын и мальчик, он – отшельник и принц, король и нищий.

Самайн... Свет и тьма встречаются, чтобы избрать себе возлюбленных до следующего Самайна... И туман скрывает их, сделавших свой выбор.

Самайн... Ведьмы верят...

Среди забытья Самайна, среди его тишины и безвременья, среди призрачных огней Ночи-на-границы-миров, она там, где туман ласков, будто кот.

Там, где ивы, тисы, дубы и можжевельник, где терн и бузина, бересклет и дикая мята, там, где белеют невиданные цветы – эльфы зовут их анант'кара – светлые сердца.

Больше нигде не встретишь их, ни в один день года – только в канун Всех Святых распускаются эти маленькие, яркие, словно звезды, цветы – на границе миров, там, где завеса тоньше всего.

Легенда говорит: соберешь букет анант'кара в ночь Самайна – и фаэри исполнят любое твоё желание. Соберешь букет анант'кара – и жди гостя с той стороны.

Старая примета, думает Зеленая ведьма. Старая, отвечает ей голос Короля фаэри, старая, как мир...

На ее коленях – букет анант'кара...

Собственно, ведьмы

Алайя

Я так любил ее – за рыжие кудри, за пронзительную синеву глаз и звонкий смех. Я любил ее до безумия, до беспамятства, и так жалел порой, что люблю – ибо моя любимая была ведьмой, и ведьмой вполне настоящей.

Птицы слетались к ней, дикие животные приходили с гор поест из ее рук. В ее саду розы цвели круглый год, а деревья зеленели даже зимой. Добрее я девушки не встречал, нежнее свет не видывал – но она была ведьмой, эта непокорная, гордая и дерзкая порой девушка, и с этим ничего было не поделать. В тот день пришел я к старому дубу, просить ее руки, но она отказала мне.

– Ты не женишься на мне, – печально говорила мне она, глядя мои волосы, – ты никогда на мне не женишься, Ивар, и нечего тут даже говорить. Собственно, и думать об этом забудь. Не женишься и все.

– Но, Алайя...

– Ты не сможешь жениться на ведьме. Тебя же засмеют, а ты гордый. И отец твой тебе откажет от дома, потому что принципиальный. Я же знаю. Ты не женишься на мне, потому что не сможешь отказаться от своей жизни. А я не выйду за тебя, потому что не смогу перестать собой быть.

– Но, Алайя...

– Нет, Ивар, – глаза ее были грустны, – говорить тут не о чем. Я останусь собой, ты останешься собой.

На этом разговор был окончен. После того дня я не видел ее. Мать, когда я вернулся домой, всплеснула руками:

– Как, отказала? И ты отпустил ее? Ведь любит же тебя девка, да и какая разница, кто она там – ведьма или не ведьма? Ты любишь ее, я знаю. Неужто ты у меня дурень такой, чтобы легко отпустить любимую?..

После нашего разговора Алайя исчезла. Ходили слухи, что она перебралась куда-то, вышла замуж. Говорили, что умерла родами, что покончила с собой, но я знал, что это не так. Я знал, что с ней случилось, знал, и никому не говорил, ибо понимал, что в том была и моя вина. Не отпусти я ее, все могло бы быть иначе.

Помнил я, что говорила она – ходит, ходит за нею тень в темном плаще, наблюдает – и видел ее страх. В тот год часто пропадали девушки вроде Алайи – яркие, необычные, и знахарки, и ведуньи. Те, словом, кто отличался от обычных лекарей, женщин и просто жителей деревни. Мы знали, куда они исчезали, но сделать ничего не могли. Одно сказанное шепотом слово «Инквизиция» – и все попытки прекратить облавы и защитить невинных женщин прекратились.

Я так любил ее... и так жалел, что она была ведьмой – но еще больше жалел, что не смог уберечь ее от тех, кто хотел ей зла. На ведьмах, говорят, не женятся. Женятся – если любят...

Эйне

Рыжим хвостом в увядающей зелени леса, клекотом сокола и хриплым криком ворона мелькает Хранитель – то тут, то там. В урочный час встаёт на пороге его Тень, и пламя свечи окрашивается во все цвета радуги. Он здесь.

– Что-то случилось? – спрашивает ведьма, не оборачиваясь. Занята – выводит узоры в древней книге. Не время для гостей.

– Ты, – просто отвечает он, проходя к огню, выбрасывающему цветные искры, – тебе грустно.

– Подумаешь, – заканчивая очередную завитушку, замечает она, – велико дело. У всех бывает. Раньше тебя это не беспокоило. Выкладывай, дел много, недосуг мне болтать.

– Ты устала, – мягко падают слова, будто паутинка, – ты работаешь на износ. Зачем?

– Натура такая. Что с того?

– Я покажу тебе, – плавно ведёт рукой Хранитель. – Гляди.

По пергаменту ползут чернильные нити, свиваясь в узоры, картинки и образы. Чёрное, серое, жемчужное, чёрное...

– Ничего веселее не было?

– Это ты, – грустно отвечает он, – цвета на исходе. Как давно ты отдыхала?

– Какой отдых, – вздыхает ведьма, – а кто работать будет? Малышне одеяльца, шаль матушке Лист, настои для пастухов и отвар для рожениц. Карты, книги... Кто сделает все это, если не я? Осень почти на пороге, скоро и ягод не останется...

– Я принёс тебе северных ягод, – Хранитель ставит на стол корзинку, – и трав с горных склонов. И воды из источника Вельд, кстати. Феи оставят шерсть лунных овец ночью, твои запасы подходят к концу. И вот, кстати, перья. Все как ты хотела – сова, сокол, ворон, и этот ещё... Вечно забываю...

– Ты принёс перо феникса? – изумлённо глядит ведьма на золотисто – алое перо, – но как?

– Договорился. И не одно, а три. Видишь, я все учёл. Ложись спать – я закончу твои завитушки. Ложись.

– А шаль...? – неуверенно спрашивает она, натягивая одеяло до подбородка. – шаль.. Я обещала...

– Спи, – отвечает он с улыбкой, – спи.

Утром она находит три шали, книгу и горячий завтрак на столе.

Кири

В ночь, когда родилась Младшая, октябрьский ветер сбивал с деревьев огненные листья и засыпал ими кроличьи норки. Ежи, фырча, тащили в погреба грибы, мышки мирно дремали по домам. Сова, проживавшая в дупле у дома Старшей, не спала – она, как и пожилая ведьма, собиравшаяся стать бабушкой, ждала.

Единственная дочь Ведьмы родила чудную, рыжеволосую девочку ровно в полночь.

– Ну и как мы её назовём? – поинтересовалась новоиспеченная бабушка у счастливой дочери. – Эйли, как твою бабушку, или, может, Райна?

– Кири, – отвечала та, – ты посмотри на её глаза!

Глаза у малышки были зеленые-зеленые. Зеленее травы и весенней листвы, зеленее изумрудов – таких зелёных глаз две ведьмы ещё не видали. Рыжие волосы, зеленущие глаза – с такой внешностью девочку могли звать только Кири, и никак иначе¹. Услышав своё имя, девочка будто засветилась изнутри – на её крохотном личике появилась улыбка, и она, довольно мурча, уснула.

– Ну что, значит, дитя Самайна, – заметила ведьма-бабушка, укрывая внучку, и подавая дочери кружку травяного чая, – скучно с ней не будет, это точно.

– На другое мы и не рассчитывали, мамочка... Ты уже знаешь?..

– Дары?.. Думаю, она в дедушку. Чудесница. Будет ладить с живностью, как пить дать. Она не кричала... Среброголоска. И по глазам видно, упрямая. Но учиться будет легко. Это я тебе обещаю.

– Вот и славно, – молодая мама с нежностью посмотрела на спящее в колыбельке дитя. – другой она и быть не могла, верно?

– Верно, Тара. Малышка – особая. Как и ты, милая моя. Отдыхай. Я посижу за вами.

Ведьма-дочь прижалась к матери. Та обняла её и погладила по волосам.

– Спи, милая... Самайн на пороге. Тебе нужен отдых.

– Доброй ночи, мама...

– Доброй ночи, Тари... И тебе, малютка...

– Вот, гляди, лаванда. Вдохни поглубже, понимаешь, отчего её так любят? И цвет, и запах – одна польза.

– А что с ней делать-то? – девочка явно не понимала, в чем суть восторга старой ведьмы. Та лишь усмехнулась.

– Поставь в воду, – запах успокоит. Высуши в букете, под потолком – да чай завари. В выпечку добавляют, когда сахара мало – лаванда сладкая, сил нет! В воде цветки поддержи,

¹ на языке лесных ведьм «Кири» – лесная птичка, лесной огонёк.

пусть настоится – головную боль такая вода снимет вмиг. Сшей подушечек полотняных да туго набей лавандой, и под подушку – сны дурные стороной обойдут. А если таких подушечек положить в те шкафы да ящики, где шерсть или белье – свежесть всегда будет. Мы используем лаванду тогда, когда говорим с феями, дитя – лаванду, Розы, цветы, что пахнут сладко и свежо. Дивный народ любит их...

– А ещё? – глазки девочки заблестели

– А ещё, когда волосы лавандовой водой моют, они всегда блестят. А кожа чистая и свежая. Лаванда успокоит даже самого сердитого, запомни. Она от духов злых и людей недобрых дом защитит. Запомнила? Тогда марш собирать!

Где-то там, средь листвы и садов
Между деревьями, в пурпуре, злате
Крадучись по тропинкам лесов
Хранители душ сновали...

– Не шуми, спугнешь хранителей.

Это каждой ведьме говорили с детства. Старшая – Младшей, Мать – Дочери... Так уж заведено. Лес – священен, лес – храм для хранителей. Смотри в оба, смотри глазами лисицы, полными янтаря, наблюдай глазами орла, совы и сокола, глазами огня и ветра...

Войди в лес, как в дом – и поприветствуй его Хозяина, Отца-с-Рогами-Оленя, и на укромной полянке оставь свои дары. Орехи, сласти и молоко – для духов, сладкое вино из летних ягод и трав – Отцу, и Хозяйке-Матери что-то, что сделала сама. Оставь и крошек сладких птицам, и найди тихое место, где сходятся кроны дубов и вязов. Там, на ковре из листьев, сядь тихонько и попроси Матерь помочь тебе УВИДЕТЬ. Пусть откроет тебе глаза, пусть поможет услышать язык леса, песнь деревьев.

Позови Хранителей, так, как обращаешься к старшим и мудрым. Позови и жди. Когда они покажутся – все, или один – позволь им говорить с тобой. Узнавай их и спрашивай, и пусть научат тебя понимать.

Когда урок окончен, поклонись им и поблагодари, и следуй за ними. Либо проведут они тебя своими тропами, либо выведут из лесу. Если вывели – иди домой, если проследуешь их дорогами – многое поймёшь.

– Хранители душ – наши братья, малышка. Но они – и учителя, и наставники, и заступники. Будь вежлива, приноси им дары и изучай их повадки. Так ты сможешь помогать людям находить их хранителей. Узнавай их следы, характер и учись их мудрости... Только так ты сможешь помогать другим. Лисица, дитя – посланник фэйри, всегда дорогу найдёт и приведёт, куда нужно, но держи с ней ушки остро, ведь никогда не знаешь, кто послал её и зачем. Если встречаешь лисицу, будь с ней осторожна – иди за ней, но далеко в лес не заходи, если дорога не знакома. Ведёт тебя лисица в чашу, не ходи за ней, но попроси Мать вести тебя. Лисица – вестник фаэри, огонь эльфов, пламя леса, дух свободы и тайны. Лисице доверяй, но будь осто-

рожнее – куда ведёт она и зачем, какие тайны открыть хочет – сразу не скажет, лишь хвостом махнёт. В глазах её ответ найдёшь – и тогда поймёшь, кто говорить хочет.

Оленя встретить в лесу – добрый знак: то Господин леса тебя благословляет. Все видит Отец, все ему ведомо – и душа, и помыслы того, кто вошёл в его леса. Поклонись ему, попроси защиты – и иди дальше, но за оленем не следуй по своему желанию. Захочет Отец – и сам укажет путь. Сам отведёт туда, где тебе нужно быть, сам покажет священные тропы. Мудрый ждёт наставления от богов, глупец же идёт туда, куда его не звали. Помни: воля Отца в лесу закон, глаз у него много, и никто не укроется от его взора.

Если олень ждёт тебя, не уходит – иди к нему; то Отца посланник, страж Врат. Его не бойся, но иди за ним: ты избран Отцом, твой час пришёл и ждут тебя великие перемены.

Так говорила Младшей её мама, а ей – её мать, и каждая женщина в роду говорила так своей дочери. И каждая постигала мудрость Хранителей...

Где-то там, средь листвы и садов
Между деревьями, в пурпуре, злате
Крадучись по тропинкам лесов
Хранители душ сновали...

Тем вечером Младшая была особенно любопытна. Она всюду совала свой крохотный носик и поминутно осыпала Старшую вопросами, на которые та с недюжинным терпением отвечала, не прерывая своих занятий.

– А зачем ты зажигаешь свечи у окна? А почему тыквы у порога? А чем это свечки пахнут? А кому ты ставишь молоко снаружи, кошке? А она его выпьет? А откуда она знает, что нужно?

– Там, под дождём, в темноте, всегда да ходит какой-нибудь путник. Он ведь должен знать, где живут люди, чтобы не заблудиться. Каждое окно должно быть освещено – пусть и маленьким огоньком. Так мы помогаем тем, кто не защищён крышей и стенами. Духи ночи обойдут наш дом стороной, если оставить свечу – а светлые защитят нас, ведь огонь – их стихия.

– Стихия? – Младшей было всего пять, и слова «стихия» она ещё не знала.

– Свет и огонь – братья, – объяснила Старшая, – понимаешь? Стихия – это природа. То, из чего они сделаны.

– Ааа, – кивнула Младшая, – ясно. А тыквы зачем? И молоко?

– Тыквы – дары дивному народу, и молоко тоже. Ты же не хочешь, чтобы эльфы стащили твои игрушки? – хитро ухмыльнулась Старшая. Младшая замотала головой так, что ленточки развязались, выпустив её рыжие кудряшки на волю.

– И я не хочу, чтобы мне вязание спутали – его потом вовек не распутаешь. Вот и выставлю им молоко и тыкву. Так только ведьмы делают – потому что знают, как надо. С эльфами лучше дружить. Иди-ка сюда, давай заплетем тебе косички.

– А почему люди в деревне не ставят свечки в окна?

– Они не знают, как надо, – отвечала Старшая, расчёсывая малышку и вплетая ленточки в косички, – а если бы и знали, не поверили бы.

– А ты им скажи, – посоветовала Младшая, – ты же ведьма, тебе поверят.
Старшая усмехнулась:

– Нет, мышка, не поверят. Люди такие. Не верят.

– Вредные? – спросила, уже немного сонно, Младшая, прижимаясь к руке Старшей.

– Тёмные, – ответила та и обняла малышку. – Давай я тебя уложу?

– Давай, – согласилась та, уткнувшись носиком в шею Старшей, – я совсемушно готова. Она уснула быстро, даже не пошевелившись, когда головка её коснулась подушки.

– Да хранят тебя духи, малышка, – тихонько шепнула Старшая и задёрнула полог кровати.

– Совсемушно... И выдумает же...

– А можно, я буду как ты? – спрашивает Младшая, прилежно сматывая осенне-пёструю шерсть в клубочки, – можно?

Ей только исполнилось пять, и она начинает задавать важные вопросы.

Старая ведьма глядит на нее смеющимися зелёными глазами.

– Это какой же?

Тучка пробегает по личику девочки, но спустя мгновение её глазки снова сияют.

– Ведьмой. Можно я стану ведьмой? Или как мама?

– Ведьмами не становятся, золотце, – отвечает женщина, – ведьмой можно только родиться. А какие бывают ведьмы?

Это часть ежедневных уроков – девочка ещё не подозревает, что так ее учат премудростям ведьмовства. Она начинает загигать пальчики:

– Чудесницы, сказочницы и хранительницы Луны, ведьмы-лесницы, ведьмы – рукодельницы, ведьмы зеленые, тёмные и светлые, ведьмы вредные и не очень.

Старая ведьма еле сдерживает смех, но спрашивает:

– И чем же занимаются вредные?

Ни секунды не думая, Кири выдаёт ответ:

– Вредят и вредятся. Вредят потому, что кто-то должен, а вредятся... Ну, попробуй быть доброй, когда такая работа... Правильно?

– Пожалуй, – соглашается ведьма, – звучит вполне убедительно. Всю шерсть смотала? Тогда сбегай в сад и принеси мне все фиолетовые цветы.

– Для красок? Или для сиропа?

– Для красок. Беги, малютка. У тебя десять минут!

Ночью, когда Кири уже спит, ведьма делится с дочерью внучкиными умозаключениями, и от их смеха становится теплее...

Элис

Бывают дома, как люди. Будто бы отражают суть хозяев – у одних ступеньки скрипят, у других – ветер гуляет по комнатам. В одних пахнет лавандой, в других – обидой. Разные дома бывают.

А бывают люди – дома. Снаружи – весёленькие цветочные горшки, сплошь петунии да маргаритки, внутри – никого, тишина. Или вот, например, старый-престарый порог, краска слезает тут и там, внутри – свежесть, чистота и тепло.

Вот и у Элис так могло бы быть – но было ровно наоборот. Бедняжку так нещадно мучили сомнения и страхи, что напоминала она не цветущую Розу, а дом с привидениями. Бледная, вечно испуганная, пальцы нервно теребят то передник, то прядь волос, губы то и дело подрагивают – словом, ходячий нерв. А было ей всего девятнадцать, и жизнь её не была такой уж тяжкой – но дом, в котором она росла, был старый, тёмный и какой-то одинокий – и Элис стала его отражением...

Стоило ей выйти из дому, как сердце начинало сходить с ума, и дай ей волю, она бы тут же бросилась назад – но реальность требовала её участия, и Элис покорялась. Зато в старой библиотеке, среди книг и трав, она менялась – пропадала её нервозность, движения становились плавными, грациозными и лёгкими. Мало кто видел её такой – но дом знал, что ей просто нужно время, и берег её, как мог... ведь Элис была ведьмой, а времена были суровы...

Бывают дома, как люди... И бывают люди-дома... Как Элис.

Шарлотта

С наступлением холодов она менялась: пропадала весёлость, глаза приобретали оттенок грозового неба, с лица не сходила обеспокоенность.

Днями она пребывала в глубокой задумчивости, все глядела в окно или листала старые книги. К вечеру оживлялась, но будто бы сквозь дрёму наблюдала за сестрой, матерью и отцом, изредка улыбаясь. Её руки непрерывно вязали или вышивали, и не было числа новым узорам и покрывалам, шалям и накидкам. Только так могла она противостоять тоске, только так оставлиwała разум от полёта.

Шарлотте было двадцать два – и никому было невдомек, что именно зимой её сила обретала все новые и новые грани... Только затем, чтобы стихнуть и не просыпаться до следующих заморозков...

Кариад

Она гадала в час полуночный,
И карты ложились в ряд...
Она гадала – так было проще,
Чем плакать все ночи подряд.

– Я вытащу тебя, слышишь? Я вытащу тебя оттуда...

И вновь карта за картой, руна за руной, и вновь ритуалы до утра... И никакого результата. Уже год пыталась она сотворить волшебство такой силы, чтобы избавить любимого от оков вечности, но тщетно – он не возвращался. Старые заклятья, руны на песке и воде, древние песни и восковые свечи – все на свете, кажется, испробовала она. Кроме одного, самого старого, метода...

Из сумрака лесного, из тайны полночной
Я вызову тебя,
Шелковыми путами крапивы
Обовью руки,
Трижды назову имя —
Не сможешь уйти.
В часы молчания солнца
Ждала тебя,
Искала среди лесов,
Звала без усталости.
Пела тебе до рассвета,
В горной тиши..
Освободи меня, пламя,
Разбей оковы,
Услышьте, деревья,
Обвейте корнями.
Ветер, приди же!
Забери тоску.
Нет силы мне больше
И воли нет
Томиться одною,
Все без него...
Услышь меня, буря,
Разбей мне сердце!

Трижды пропела она энглин силы, трижды вспыхнула молния...

– Я верну тебя, верну, – шептала она, – без тебя мне не жить...

– Но ведь ты живёшь, – заметил знакомый голос за спиной, – и будешь жить. Зачем тебе жить с мертвецом?

Она обернулась, вздрогнув. Да, то был он, такой, каким она его знала – взъерошенные волосы, печальные глаза, усталая улыбка.

- Зачем тебе это, Кариад?... – он коснулся её плеча лёгким движением, – зачем?
- Я люблю тебя, – просто ответила она, – понимаешь, люблю.
- Тогда отпусти меня. Ночами напролёт ты зовёшь меня обратно, день за днём ты плачешь по мне. Не мучь меня, отпусти – вернуться я не смогу, ты знаешь это.
- Забери меня с собой.
- Не могу, милая. Твоё время ещё не пришло.
- А если попросить у них?
- Боги не ответят тебе, Кари. Ангелы не унесут твою душу туда, где ей не время быть. К тёмным силам ты не пойдёшь, да и не стоит. Позволь мне уйти – и я вернусь. Вернусь, чтобы быть с тобой.
- Кем ты вернёшься, котом? Певчей птичкой? Вороном? Мне нужен ты.
- Знаю, милая – но все правильно. Я могу вернуться другим мужчиной. Ты узнаешь меня, полюбишь...
- Не пойдёт, – упрямо покачала головой она, – мне не нужен другой. Мне нужен ты. И если тебя не вернут, буду каждую ночь тебя звать.
- Упертая. Ну чего ты этим добьёшься? Я ведь лишён тела, что тебе толку от меня?
- Я вижу тебя...

Она обняла его. Он – её, прозрачно-невесомо, легко. Так и застыли, пока луна не вышла из-за туч и не засияла во всем великолепии. С нею появились двое – духи Самайна, хранители душ.

- Жалко девку, – заметил тот, что был пониже, – давай отдадим его? Убивается, сил нет. Вся голова от неё болит.
- Резонно, – кивнул второй, тот, что был повыше, – а то неровен час всех достанет. Ведьмы – народ упорный. Ты сделаешь, или мне?
- Давай вместе? И пусть пахнет кофе, как в их первую встречу. Самайн же...

Луна вновь погрузилась в облака, хранители нырнули за ней – а внизу, в домике ведьмы, все ещё стояли, не размыкая объятий, двое... И воздух был напоен ароматом кофе. Как когда-то...

Кора

В неверном мерцании свечей, танцуя в объятиях северного ветра, кружась в бликах лунного света, колдовала в ночной тиши ведьма. Зеленью лесов искрились ее глаза, медью и серебром вспыхивали волосы, звездами сияли слезы хрусталя и жемчуга на темном шелке платья, бледно было ее лицо, белы руки. Она ворожила в полночь, накануне Самайна, гордая и прекрасная... И такая одинокая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.